

Наталья Васильевна Щерба Чарана

Волшебная серия –

предоставлено правообладателем <http://litres.ru>

Наталья Щерба Чарана

– Пить хочу! – капризно заявила Тайка и тряхнула головой.

Чарана вздохнула завистливо, косясь на водопад роскошных Тайкиных волос. Тёмные шелковистые пряди закручивались в тугие колечки, падая волнами ниже пояса. А у Чаранки – жидкие, тусклые, едва косичку заплести можно.

Ой, как же пить хочется! Или в воде искупаться, – благо, табор встал у самой реки. Несмотря на вечер, плывёт над уставшей землёй чудовищная жара. Ноги устали, босые стопы грязные да в пыли, а заработка – почти никакого: пару яиц за пазухой спрятаны, да кусок чёрствого хлеба, а у Тайки ещё монеток горсть, медных. Деньги эти Чарана заработала, на картах гаданием, а Тайка скажет, что сама: всегда она так – лучшее забирает. Попробуй ей возрази! Накинется, словно коршун, вопьётся когтями, а то и крепкую пощёчину может отвесить. Тайка – девушка бойкая, весёлая да озорная, – первая красавица в таборе! Вон, Яшка, черноглазый да белозубый, глаз с неё не сводит. Чаране век такого не дожидаться... Брови у неё белёсые, нос картошкой, губы тонкие, скулы резкие, грубые. Зато глаза, чего уж, большие имела, чёрные, глубокие и печальные, как безлунная ночь. И верили простаки селяне глазам этим, колдовским, и за гадания охотно платили. Тайка же больше танцами да пением зарабатывала. А какое сейчас людям веселье, когда жара такая, засуха? Люди за урожай переживают, некогда им песни цыганские слушать да пляски смотреть, больше за судьбу да за будущее знать хочется.

– Чего пялишься? – прищурилась Тайка. Заметила, что Чарана, задумавшись, глаз с неё не сводит. – Медяков, небось, жалко? Тебе-то зачем, дурнушка? У меня свадьба скоро... Ладно, ладно, не дуйся, ишь, помрачнела! Давай так: что в этой хате наше будет, всё тебе отдам, хорошо?

– Последняя, – кивнула Чарана, указывая рукой на самую крайнюю хатку – небольшую, но аккуратную, с чистым двориком и крепким забором. – И в табор. Ох, через всё село обратно идти. Искупаться бы скорей...

– Эй, хозяйева, есть в доме кто? – привычно затараторила Тайка звонким голосом. – Спеть, поплясать, али погадать, кто желает?

Двор ответил молчанием.

Тайка решительно толкнула калитку.

– Есть ли кто?! – ни звука. Даже неслышно привычного собачьего лая. – Спеть...

– Да подожди ты, с песнями, – неожиданно толкнула Тайку Чарана и сама затянула:

– Не желают ли хозяйева досточтимые, уважаемые, о судьбе своей узнать? Всё сбудется, что скажу, и плохое, и доброе...

Заскрипела дверь, отворяясь, метнулась с порога большая чёрная котяра, вызвав дружный девчоночий визг. Вслед за котярой показалась хозяйка: невысокая, приземистая, с пухлыми румяными щеками. Женщина, несмотря на жару, зябко куталась в плотную вязаную шаль, будто мёрзла. Заметив цыганочек, она улыбнулась, но блёклые голубые глаза смотрели настороженно, испытующе.

– Заходите... гадалки! – и хохотнула.

Чарану от этого смеха озноб пробрал. Неприятным показался, – отчего бы? Видать, с жары совсем плохо стало...

Войдя в прохладные, полутёмные сени, Чарана успокоилась. А Тайка уже и к столу

подбежала, на стул рядом уселась и хату бесцеремонным образом разглядывает.

А посмотреть было на что... Чистенько, выбелено, печка расписная: узоры по ней диковинные – звери да цветы неизвестные, на полках – посуда глиняная, в завитушках цветных, да рушники по углам, – только не кресты на них привычные вышитые, а буквы какие-то иноземные, с закорючками, непонятные...

Тайка в бок толкнула, больно. Что такое?!

– Глянь, – шепчет, – за печкой...

А за печкой-то, Господи! Столик маленький, на резных ножках, чёрной тканью накрытый, – а на нём поделки какие-то, статуэтки... из золота? Неужель, настоящего?! Из серебра много чего есть... Сверкают, будто на солнце выставлены, а в закутке-то темно...

Хозяйка, будто бы невзначай, подошла к тому столику, сдёрнула шаль с плеч и прикрыла вещички небывалые. А сияние от них как будто и не уменьшилось.

– Из далёких земель мужем моим покойным привезены, – вроде как пояснила.

Чарана первой опомнилась, вытащила карты из-за пазухи, осторожно, чтобы яйца не разбить, и перетасовала одной левою. У неё это знатно выходило.

– На любовь погадать, на прибыли, на урожай, на недругов? – привычно затараторила скороговоркой, и карты веером на столе раскинула.

Хозяйка не ответила. Вцепилась взглядом в карты.

– Фу, какие грязные, – поморщилась. – Ишь, дел бесовских на них сколько...

Взгляд Чараны потемнел. Чистые у неё карты! Может, ноги босые, да старая юбка грязная, но карты – чистые! Бережёт она их – кормильцы ж единственные!

– Не про то я, – отмахнулась хозяйка, словно угадав цыганочкины мысли, – про другое... – и зачатила вдруг:

– Как вода огонь вмиг заливают, так слова мои карты эти очищают! – и плюнула, прямёхонько в карты.

У Чараны от наглости такой глаза на лоб полезли. На Тайку оглянулась, а та сидит, в дальний угол пялится, вроде и не слышала хозяйкиных приговоров...

– Теперь гадай, красавица! – хитро улыбнулась хозяйка.

Чарана вспыхнула. Издевается над ней хозяйка или что? Ну, я тебе нагадаю...

Перетасовала карты сызнова и давай по пять раскладывать.

Как назло, на любовь одна червь легла... Туз, король, дама, валет и шестёрка. Самое удачное сочетание, – «счастья набор», как в народе говорят.

– Ух ты, неплохо, – покивала хозяйка. – В любви повезёт. Это хорошо, а то кукую тут одна, борща подать некому... Давай на прибыли, что ли?

Опять Чарана ловко карты перетасовала.

Глядь, теперь вся бубна вылезла. Опять «счастья набор»...

– На недругов гадать не будем. Нет у меня врагов, – промолвила хозяйка и Чаране в глаза заглянула. И повеяло на цыганочку ночью тёмной, морозной, льдом холодным, речным, и страхом жутким. Будто враз застыла душа, съёжилась, силу бесовскую почуяв...

– А давай-ка, Чаранушка, я тебе лучше погадаю, – предложила женщина, улыбнулась приветливо – и враз испуг отступил, постыдно скрючившись, спрятался в безлюдный уголок души, испарился. Заместо него изумление пришло.

– Не говорила я, как зовут меня, – прошептала одними губами цыганочка.

– Разве?! – удивилась женщина. – Вырвалось как-то...

И вдруг оскалилась. Губы растянулись в неприятной ухмылке.

– Мне моя судьба известна, – не сдавалась Чарана, краснея. Не хотелось что-то гаданий хозяйкиных! Нутром чуяла – нет в этой хате добра. – Всё я наперёд знаю, не раз себе гадала...

– Так уж и знаешь? – женщина глянула на Чарану насмешливо, а потом на Тайку покосилась, что от золота и серебра на столике, хозяйской шалью прикрытого, взгляд отвести не могла. – Ты по-простому карты толкуешь, по-житейскому, а волшебные дела людские промеж пальцев текут, что вода в решете.

– Нету в судьбе моей дел волшебных, – прошептала Чарана.
– Так может, и желаний волшебных нет? – повела бровью хозяйка. – Да и судьбу любую в один миг переменить можно: всего-то делов на копейку.
– погоди, – продолжает, – чашу волшебную принесу – самое гадание верное...
И скрылась в сених.

Только хозяйка в сени вышла, вскочила Тайка, да и к столику: шаль рывком сдёрнула и первое, под руку попавшееся схватила да за пазуху спрятала. И Чаране что-то светящееся кинула. Поймала та на лету, глядь – яйцо это, иссиня-чёрное, а с тупого основания лепестки золотом обозначены: будто яйцо из цветка, на кувшинку похожего, выходит, и точки по нему – золотыми вкраплениями. Что за узор диковинный? Отродясь такого не видывала...

– Бежим, Чаранка! – подскочила к ней Тайка, блестя глазами от возбуждения, – бежим! Нам этого золота до века хватит!

– Тайка... – только у Чараны и вырвалось.

– Неужто так побрякушки мои понравились?

Застыли цыганочки, обернуться не решаются. А хозяйка, будто так и надо, обошла их, и чашу с водой прозрачной, студёною, перед ними поставила.

Диковинная чаша: медная, глубокая, а с краю на ней птица бронзовая сидит и крыльями посудину как бы обнимает. А в глазах у неё по камешку алому. Светятся – как живые...

Глянула хозяйка на них хитро и говорит:

– Кидайте, что без спросу взяли, на самое дно...

Не смели послушаться: убежать силы нет, будто ноги к полу приросли. Чарана мигом чёрное яйцо кинула – только булькнуло, пустив круги по воде, а за нею и Тайка украденное достаёт, а у самой руки трясутся. Это у Тайки чтоб руки дрожали?! Да она, в лицо глядя, серьги из ушей может украсть, и бровью не поведёт!

– Что ж ты, Тая, – обратилась к ней хозяйка, – мою самую любимую вещь хотела забрать? Знаменитую статуэтку птицы древней, из Индийских земель нехоженых? Не пощадит она тебя, помяни моё слово... Кидай, грешная душа!

Выскользнула золотая птичка из дрожащих Тайкиных пальцев, Чарана только и успела разглядеть, что глаза у неё тоже из камешков красных сделаны, – и окрасилась миг вода, побурела – будто кровью чаша наполнилась... Забурлила ключом, вскипела пузырями, да и взорвалась фонтаном до самого беленного потолка.

Закричала Чарана от ужаса, голову руками закрыла, да и грохнулась наземь без чувств.

...И привиделась ей скала диковинная. Будто сидит на самой вершине, на большом прекрасном цветке, что на кувшинку нашу похожий, гигантская птица с глазами рубиновыми да клювом золотым. А позади крылья имеет огромнейшие, сплошь из перьев серебряных, сияющих. А сама Чаранка внизу стоит, и Тайка рядом, – обе бледные, испуганные, пошевелиться не могут.

А птица клюв открыла да слово человеческое молвила, что и до них докатилось, словно гром небесный:

– Пусть ответит та, что изображение моё, из золотого камня высеченное да людьми украденное, вернула... Что хочешь за это?

Глянула Тая на подругу испуганно, молчит – будто язык проглотила.

– И за яйцо спасибо скажу, за украденное, – продолжала птица. – Что же хочешь за это, душа юная?

Чарана тоже молчит – слово лишнее сказать боится.

– Ничего... – Тайка опомнилась. Отошла немного.

– Неужто у цыганок желаний нет? – громынуло из золотого клюва.

– Хочу быть красавицей, весёлой и бойкой, как Тайка! – вдруг выпалила Чарана, голову кверху запрокинув и глядя прямо в птичьи глаза алые.

– Да чтоб ты сдохла, проклятая! – возмутилась Тая и с размаху Чаране пощёчину влепила. Крепкую, привычную.

– Исполнено будет, по совести... Всё, что пожелали – всё сбудется!

– Что сбудется?! – Чарана крикнула. Да только не услышал её никто: поднялся страшный вихрь, закрутил, зажжужал, будто пчелиный рой, зашумело, засвистело в ушах, сверкнула молния – и ослепли глаза.

– Тая! Таюшка! – позвали встревожено.

Приоткрыла глаза. Приподнялась. Яшка перед нею на коленях стоит, руку поцелуями покрывает. Вокруг весь табор собрался, от велика до мала. Даже девяностолетняя баба Зира приковыляла. Не имела ещё Чарана к особе своей интересу такого.

– Где я?... – спросила она слабым голосом.

– В таборе, милая, в таборе... Что приключилось с тобой, отрада моя ненаглядная? Кто Чарану, подругу твою, жизни лишил? Кто напал на вас? Как выглядел, узнала кого? Вмиг достану! – тараторил ей Яшка и глазами сверкал: грозно, яростно.

– Чарану? – переспросила. – Жива я... – и на руки свои глянула. Тонкие ручки, изящные. Волосы колечками спутанными вьются, до самого пояса... А на запястьях браслеты – Тайкины, из чистого золота. Ох, как завидовала Чарана браслетам этим... Да и юбка, нарядная, господи, Тайкина!

– Чашу с водой мне принесите... – попросила дрожащим голосом. – Скорее!

Кто-то угодливый сразу и протянул чашу-то. И водичка в ней плескается.

Только Чарана пить не стала. Глянула в отражение. И Тайкино лицо увидела.

Онемела враз – всё поняла. Ай да птица страшная, что утварила...

– Что приключилось с тобой, солнышко?

Обернулась. Яшка в глаза встревожено заглядывает.

– Где... Чарана?

– Мертва. Покоится бездыханная. Ни единой отметины. Лицо ужасом обезображено: будто устрасил вас кто, Тая... А ты возле неё – лежишь, стонешь... Нашёл я тебя, в табор принёс.

Что случилось, что было-то?!

– Ведьма!!! – вскричала вдруг пронзительно. – Ведьма чёртова! На краю села её хата, что возле самого лесу. Убить её, гадину!

Враз крик отчаянный цыгане подхватили. Блеснули ножи в руках у самых горячих, – побежали к селу, ведьму искать, что цыганочку в могилу свела.

«Что же, проклятая, со мной утварила? – Чарана думает. – Стала я Тайкой теперь, первой в таборе красавицей, а она, получается – сгинула?!»

Ведьма хитрая судьбу их переменяла, телами обменяла, колдунья лукавая! И погибла Тая, на своё же проклятье наразившись...

Свечерело. А цыгане, что за ведьмой пошли – не вертаются.

Яшка – кудри тёмные, губы страстные, взгляд пламенный, – не отходит, за руку держит. Никто так на Чарану не смотрел, никогда...

Воротились и цыгане храбрые. Ножи попрятали, глаза опустили, – молчат.

– Есть хата на краю села, заброшенная, – тут молвил один из них, – уж десять лет никто не живёт там. А дела бесовские за хатой значатся. Говорят, каждый год человек возле неё умирает, а раз в четыре года – и больше.

Заволновался табор, зашумел, заспорил.

– Долго мы здесь гостили – засиделись...

– Завтра в путь, только солнце лик свой покажет...

– Подальше от села проклятого...

– А сейчас, братья цыгане, не помянуть ли нам Чаранушку песней печальной, унылою...

И враз проснулись, заголосили скрипки надрывно, зазвенели протяжно бубны, вздрогнули печально гитары.

– Спой, Таюшка, развежь грусть-печаль, песней душевной...

Э-э-эх, плачьтесь скрипки, стоните пронзительней: Тая, красавица да певунья первая, песню петь будет...